

УДК 130.2:159.9
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-214-222>
EDN: JIQUZQ

Поступила: 01.05.2024
Принята: 24.05.2024
Опубликована: 04.07.2024

МЕТАФОРИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТНОГО ЯЗЫКА

Филипенко Станислава Андреевна

Институт философии РАН (Москва)

Исследована тропологическая природа личностного языка. Личностный язык представляет собой то имплицитное содержание грамматических структур, которое выходит за рамки словарных значений употребляемых в речевой практике слов и выражений. На основе разработок представителей Харьковской лингвистической школы делается вывод о метафорическом характере личностного языка. Личностные смыслы, которыми субъект наделяет используемые им общезначимые понятия, могут рассматриваться как метафорические, переносные значения этих понятий, поскольку являются результатом соотнесения нового изучаемого явления действительности с наличным субъективным опытом и переноса значений с уже известного на познаваемое. Тропологический характер личностного языка проявляется как в художественном творчестве, так и в научном познании, что указывает на их глубинную связь. Иносказательное употребление научных терминов продемонстрировано на примере классификации живых организмов. При отнесении той или иной особи к определенному виду ученый-таксономист обнаруживает у нее признак, который он считает существенным для данного вида. Таким образом, характеристики конкретной таксономической группы применяются к наблюдаемому животному или растению, значения известных терминов переносятся на новый исследуемый объект. Описанный представителем Харьковской школы А.А. Потебней механизм возникновения нового слова в иносказательном значении позволяет объяснить и метафорическое употребление научных терминов. В основе любой классификации лежит «сдвиг» исходных смыслов используемых понятий, распространение их на новое явление. В процессе отнесения изучаемого объекта к некоей категории выделяются его свойства, которые сопоставляются с отличительными особенностями данной категории объектов.

Ключевые слова: личностный язык, метафора, образ, наука, искусство, перенос значений, Харьковская лингвистическая школа, контекст, таксономия, классификация.

Для цитирования:

Филипенко С.А. Метафоричность личностного языка // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 214–222. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-214-222>. EDN: JIQUZQ

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-214-222>

Received: 01.05.2024
Accepted: 24.05.2024
Published: 04.07.2024

METAPHORICITY OF PERSONAL LANGUAGE

Stanislava A. Filipenok

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow)

The paper examines the tropological nature of personal language. Personal language is the implicit content of grammatical structures that goes beyond dictionary meanings of words and expressions. The representatives of Kharkov Linguistic School demonstrated the metaphorical nature of personal language.

Personal meanings are metaphorical meanings of concepts since they are the result of correlating a new phenomenon with subjective experience and of transferring meanings from the already known to what is being cognized. Tropological nature of personal language is manifested both in artistic creativity and in scientific cognition, which indicates their deep connection. In the paper, the metaphorical use of scientific terms is demonstrated on the classification of living organisms. When referring a particular individual to a certain species, a taxonomist discovers a characteristic in it that he considers essential for the species. Thus, the characteristics of a particular taxonomic group are applied to an animal or plant being observed, while known meanings of terms are transferred to a new object. Described by Kharkov Linguistic School representative A.A. Potebnya, the mechanism of the emergence of a new word in an allegorical meaning makes it possible to explain the metaphorical use of scientific terms. The basis of any classification is a «shift» of the original meanings of concepts, their extension to a new phenomenon. In the process of classifying an object under a certain category, its properties are identified and compared with the distinctive features of objects belonging to this category.

Keywords: personal language, metaphor, image, science, art, transfer of meanings, Kharkov Linguistic School, context, taxonomy, classification.

To cite:

Filipenok S.A. [Metaphoricity of personal language]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 2, pp. 214–222 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-214-222>, EDN: JIQUZQ

Введение. Личностный язык как средство познания

Художественное творчество Николая Константиновича Рериха, чье 150-летие со дня рождения отмечается в этом году, пронизано его самобытной глубокой философией, в рамках которой человек представлен в единстве его духовных сил. Личность самого Н.К. Рериха является олицетворением того, как духовные устремления одного человека, направленные на постижение единства Истины, Добра и Красоты, могут проявляться совершенно разными способами. На это обращал внимание Джавахарлал Неру: «Великий художник, великий ученый и писатель, археолог и путешественник, он касался и освещал так много аспектов человеческих устремлений» [Рерих Н.К., 1990, с. 53]. Будучи разносторонней личностью, Н.К. Рерих был убежден, что наука и искусство неотделимы друг от друга. Еще в юные годы ему полюбилось высказывание Л.Н. Толстого: «Наука и искусство так же тесно связаны между собой, как легкие и сердце, так что если один орган извращен, то и другой не может правильно действовать» [Рерих Н.К., 1990, с. 54]. Можно предположить, что независимо от вида деятельности в основе всякого совершаемого конкретным субъектом познавательного акта лежит его целостный личностный опыт в един-

стве разных аспектов. Любой когнитивный акт представляет собой уникальную экзистенциальную ситуацию, которая возникает благодаря взаимодействию разнообразных сторон человеческой субъектности.

Основным средством человеческого познания, пожалуй, является естественный язык. Имеет смысл рассмотреть вопрос, можно ли считать языковые приемы, с помощью которых говорящий стремится выразить свой личностный опыт, проявлениями его личностного языка. Если предположить, что личностный опыт определяет любой вид когнитивной деятельности, можно ли утверждать, что личностным характером обладает любая осуществляемая индивидом языковая практика, будь то научная или художественная? Если уникальный художественный стиль того или иного художника мы можем рассматривать как его личностный язык, то в отношении ученого у нас не получится получить столь быстрый ответ на вопрос, владеет ли он своим собственным личностным языком. Традиционно принято считать, что ученый использует в исследованиях интерсубъективный язык, состоящий в основном из обезличенных, общезначимых терминов. Чтобы ответить на поставленный вопрос, мне необходимо разъяснить, что я понимаю под личностным языком и какова его природа.

Личностный язык я рассматриваю как речевую практику конкретного человека, в которой находит выражение его неповторимое личностное знание. Огромный пласт личностного знания составляет так называемое неявное, «молчаливое» знание (*tacit knowledge*). Роль неявного знания в познании была показана философом и ученым середины XX в. М. Полани в рамках разработанной им концепции личностного знания [Полани М., 1985]. Именно объективация имплицитных компонентов системы личностного знания в грамматических конструкциях выступает условием творчества и приращения знания. Основу личностного языка и составляет то неявное содержание языковых структур, которое выходит за рамки словарных значений употребляемых понятий. В каждом конкретном речевом акте общезначимые значения используемых грамматических структур обретают новые смысловые оттенки в уникальном контексте личностного опыта. Как отмечал М. Полани [Polanyi M., 2005, p. 221], при каждом применении слова в устной или письменной речи мы одновременно подчиняемся правилам его употребления, и в то же время некоторым образом их меняем, привнося что-то свое. Любой коммуникативный акт сопровождается сдвигом исходных смыслов, и вся наша речевая практика может рассматриваться как непрерывный процесс модификации смысловых грамматических структур. Таким образом, в нашем языковом опыте содержится огромный творческий потенциал по созиданию новых смыслов, которые могут найти воплощение как в новых языковых выражениях, так и в новом знании в целом и материальных объектах культуры.

Тропологическая природа личностного языка

Представление о том, что личностный язык определяют имплицитные смыслы, которые привносит субъект в общезначимые грамматические структуры, подчеркивает его метафорическую, тропологическую природу. Поскольку любой речевой акт предполагает «сдвиг» смыслов применяемых слов, то можно утверждать, что в определенном отношении все слова в нашей языковой практике мы употребляем в переносном значении. Это позволяет говорить о том, что используемый в по-

вседневной жизни язык метафоричен. Представления о фундаментальной роли тропов как оснований естественного языка были сформированы уже достаточно давно. Так, основатель Харьковской лингвистической школы (вторая половина XIX – нач. XX вв.) Александр Афанасьевич Потебня утверждал, что естественный язык в силу его метафоричности по преимуществу является поэтическим, а слово живого языка он называл «элементарной формой поэзии». Исследователь подчеркивал, что именно за счет своей многозначности, метафоричности, иносказательности слово и может выполнять такие задачи, как обеспечение познания мира [Моркина Ю.С., 2021, с. 399]. Пожалуй, можно предположить, что именно способность говорящего употреблять понятия в переносном смысле позволяет ему обнаруживать новые свойства того явления, которое обозначается этим понятием. Сдвиг смыслов, происходящий в результате использования языковых выражений в переносном смысле, и обеспечивает приращение знания. Развивает высказанные А.А. Потебней идеи его ученик А.Г. Горнфельд, отмечавший, что «каждое слово употребляется нами, собственно, в переносном значении» [Горнфельд А.Г., 2021, с. 394]. Как он полагал, создание языка в известной стадии идет путем поэтического творчества: «Познавая новое явление, мысль называет его по одному из его признаков, который представляется ей наиболее существенным и сам уже познан предварительно как самостоятельное явление. Это объяснение нового явления посредством перенесения на него названия уже известного и есть то, что мы называем троп...» [Горнфельд А.Г., 2021, с. 394]. Непрерывно сталкиваясь в повседневной жизни с новыми явлениями, индивид применяет к ним, исходя из имеющегося у него личностного знания, известные ему понятия, таким образом выделяя в данных явлениях то, что представляется ему наиболее существенным. Можно предположить, что в основе личностного языка и лежит наделение изучаемого объекта определенными характеристиками по аналогии с другими объектами, представления о которых имеются в субъективном опыте. Личностные смыслы и можно понимать как переносные значения, которые привносятся в понятия при соотнесении нового познаваемого

явления с имеющимся субъективным опытом. Перенос характеристик одного явления на другое является результатом действия ассоциативного мышления, подчас устанавливающего совершенно неожиданные смысловые связи между отдельными компонентами опыта.

С метафоричностью личностного языка также связана его образность. В индивидуальном сознании понятия вызывают определенные образы, отсылающие к содержащимся в опыте переживаниям и воспоминаниям. Воображение играет фундаментальную роль в познании, объединяя разрозненные компоненты опыта в целостный образ, не поддающийся порой рациональной реконструкции. Можно предположить, что образную составляющую имеют не только конкретно-чувственные понятия, в формировании которых участвует воображение, но и абстрактные, которые могут ассоциироваться в сознании с какими-то конкретными образами. В неповторимом контексте личностного опыта усваиваемые субъектом понятия обретают многочисленные неосознаваемые в полной мере и недоступные логическому объяснению ассоциативные связи с неисчислимым множеством компонентов этого опыта. Эти смысловые связи и определяют содержание неявного, «молчаливого» знания, которое находит воплощение в переносном, личностном смысле. Как отмечал другой последователь А.А. Потемби В.И. Харциев, помимо словарных значений слова естественного языка обладают множеством дополнительных значений, формирующих образное мышление. Благодаря богатству смысловых оттенков, которые привносятся в грамматические структуры и порождают наши субъективные образы, используемый нами язык по сути своей обладает поэтическим характером: «Если бы мы для знания языка, для его употребления пользовались бы только той стороной речи, которую составляют слова безобразные, слова в так называемом буквальном значении, то мы, кроме множества значений, входящих в словарь, потеряли бы целую массу значений, не входящих в него. Язык делает поэтичным постоянное употребление слов в значениях, не входящих ни в какой словарь...» [Харциев В.И., 2019, с. 231]. В.И. Харциев отмечал, что эти многочисленные значения могут быть присущи мышлению целых народов и эпох. Однако можно предположить, что и от-

дельно взятый субъект способен наделять употребляемые им языковые выражения новыми, особыми значениями. Эти значения могут сохраняться в имплицитной форме, не находя выражения в явном виде, но тем не менее вызывая субъективный образ в индивидуальном сознании.

Когнитивное значение воображения было показано, в частности, основоположниками когнитивной лингвистики Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. На основе эмпирического анализа роли метафор в мышлении и разговорной практике они пришли к выводу об имманентном присутствии воображения в структуре значения. Более того, они продемонстрировали, что «человеческое мышление метафорично по своей природе», поскольку метафоры «наводят мосты между различными областями опыта и являются важнейшими средствами человеческого понимания» [Смирнова Н.М., 2022, с. 165]. На примере английского языка они показали, что даже повседневная практика предполагает иносказательное использование выражений естественного языка. На этом основании они делают вывод о фундаментальном значении метафор в познавательной деятельности: «...метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф Дж., Джонсон М., 2008, с. 25]. Подробно рассматривая в своем знаменитом труде «Метафоры, которыми мы живем» многочисленные случаи того, как в английском языке слова используются в переносном значении, исследователи продемонстрировали культурно-историческую детерминацию применяемых в обыденном мышлении выражений и основанных на них концептуальных систем. Однако позволю от себя добавить, что помимо закрепленных в том или ином языке метафорических выражений, усваиваемых индивидом в его речевой практике, в структуре личностного опыта слова естественного языка могут приобретать новые, имплицитные смыслы. Они могут и не быть зафиксированы в языковой форме, однако они подразумеваются субъектом в конкретном речевом акте, порождая определенный образ в его сознании.

По моему мнению, представление о том, что личностный смысл языковых структур как источник нового знания возникает в контексте уникального личностного опыта индивида, встраивается в контекстуальную теорию метафоры, родоначальником которой является А. Ричардс. Как отмечает современный отечественный исследователь Н.М. Смирнова, «согласно этой теории, метафора представляет собой продукт взаимодействия как терминов самого метафорического выражения, так и окружающего (прилегающего к нему) контекста. В соответствии с подобной контекстуальной теорией значения, центральный термин метафорического высказывания не только испытывает смысловое влияние контекста, но и сам привносит в него новое содержание» [Смирнова Н.М., 2017, с. 156]. Основопологающим когнитивным контекстом, в котором происходит познавательная деятельность любого субъекта, я считаю его собственный личностный опыт. Именно в нем и отмечается сдвиг смыслов словарных значений слов, который приводит к возникновению нового знания. С одной стороны, личностное знание субъекта определяет содержание, которое привносится в применяемые им языковые структуры, а с другой стороны, сами эти структуры видоизменяют определенным образом тот смысловой контекст, в котором оказываются. Значимость наших переживаний, формирующих субъективный опыт, была показана С. Курцем и Д. Сноуденом: «...все человеческие взаимодействия находятся под сильным влиянием и зачастую детерминируются паттернами многообразия нашего переживания, внутреннего опыта, как через непосредственное влияние личностного опыта, так и через коллективный опыт, выраженный в форме историй, рассказов» [Kurtz C.F., Snowden D.J., 2003, p. 467] (цит. по: [Смирнова Н.М., 2017, с. 157]). Контекст личностного опыта, в котором субъект воспринимает языковые выражения, формирует множество личностных смыслов, которые придают данному выражению метафорический характер. Как отмечал А.А. Потебня, «каждый раз рождение смысла заново происходит в новом контексте и из новых элементов. Субстанция, из которой все создается, — поток сознания» [Моркина Ю.С., 2019, с. 106]. Всю речевую практику конкрет-

ного индивида можно представить как процесс созидания новых личностных смыслов в конкретных речевых актах путем соотношения применяемых языковых выражений с наличной системой личностного знания.

Метафоричность личностного языка в искусстве и науке

Метафоричность личностного языка заключается в том, что в основе любого словоупотребления лежит иносказательное употребление языковых выражений, наделение их дополнительными, имплицитными смыслами. Поскольку я исхожу из того, что личностный язык находит воплощение как в искусстве, так и в науке, можно предположить, что в этих видах деятельности проявляется его метафорический характер. Наиболее очевидна роль метафор в художественном творчестве. Так, суть поэзии заключается в использовании художественных приемов, порождающих новые, непривычные для обыденного сознания смыслы. В основе других художественных языков также лежит механизм переноса значений с одних явлений на другие, что и создает порой совершенно неожиданные художественные образы, позволяющие выйти за рамки повседневного опыта. Однако заслуживает особого внимания вопрос о тропологической природе научного мышления. Если удастся показать, что метафоричность личностного языка для научного познания имеет не меньшее значение, чем для художественного творчества, можно будет сделать вывод о глубокой, сущностной связи языка науки и языка искусства.

В современной научной литературе можно найти работы, в которых проводится анализ взаимосвязи языка науки и языка искусства. В частности, отечественный психолог Т.Д. Марцинковская раскрывает три «парадокса», свидетельствующих о взаимодействии языков науки и искусства [Марцинковская Т.Д., 2018]. Все эти три парадокса призваны показать, что ученые обосновывают свои открытия с помощью языка искусства и эмоционально насыщенных оборотов, свойственных в большей степени искусству, в то время как художники для объяснения своих озарений и созданных ими произведений могут прибегать к языку науки и строгой научной терминологии. Т.Д. Марцинковская

утверждает, что синтез науки и искусства возможен благодаря существованию объединяющего их так называемого универсального предметного кода (УПК, термин советского лингвиста и психолога Н.И. Жинкина), который представляет собой систему знаков, имеющих характер чувственного отражения действительности в сознании [Марцинковская Т.Д., 2018].

Проведенный Т.Д. Марцинковской анализ позволяет увидеть взаимосвязь языков науки и искусства. Художники и ученые в своей деятельности заимствуют друг у друга полученное знание и выработанные принципы его построения и обоснования. Зачастую это обусловлено желанием не столько совершить открытие, сколько донести новое знание до широкого круга людей. Однако, несмотря на их взаимодействие, языки наук и искусств в приведенных Т.Д. Марцинковской примерах сохраняют свою специфику и относительную автономию. Ученые и художники прибегают к языкам друг друга для обоснования уже имеющегося у них знания. Если же исходить из тезиса о том, что в основе и научного познания, и художественного творчества лежит личностный язык, можно предположить, что между ними существует более глубокая связь.

Говорить о единстве языка науки и языка искусства и о существовании между ними глубокой связи можно будет в том случае, если удастся продемонстрировать метафорическую природу научного языка наравне с художественным языком. Речь идет не просто об использовании метафор и ярких образов учеными, но и о их способности употреблять научные понятия и термины в переносном значении. Казалось бы, исследователь стремится выражать научное знание в однозначных терминах, абстрагируясь от субъективных смыслов. Однако представляется, что все же в своей познавательной практике ученый неизбежно наделяет усваиваемые общезначимые термины субъективным, имплицитным содержанием, включая их в сформировавшуюся у него систему личностного знания. В индивидуальном сознании даже самые абстрактные научные понятия могут вызывать внутренние образы, уникальные ассоциации с субъективными переживаниями и впечатлениями. Можно предположить, что именно объективация имплицитных личностных смыслов в языке служит

фактором развития научного знания.

Приведу пример из эмпирической науки, каким образом научные понятия наполняются личностным содержанием, что в конечном счете приводит к «сдвигу» исходных смыслов и возникновению нового знания. Наиболее ярко образность и метафоричность научного языка проявляется в деятельности по классификации исследуемых объектов по группам. В своем труде «Личностное знание» М. Полани посвятил отдельную главу таксономии — разделу биологии, в рамках которого ученые занимаются классификацией живых организмов [Полани М., 2022]. Причисление конкретной особи к тому или иному виду основано на выделении из всего многообразия имеющихся у нее свойств характерного для данной таксономической группы признака. Этот признак проявляется у каждого организма по-своему. Каждый ученый-таксономист, исходя из сформировавшихся у него субъективных представлений об особенностях разных видов, устанавливает, какими характеристиками обладает данная особь, и на этом основании относит ее к тому или иному виду. В его индивидуальном сознании знание об отличительных особенностях определенной биологической группы вызывает некий обобщенный образ данной группы, с которым он и соотносит морфологическое устройство изучаемого организма. Понятия, описывающие вид, в представлениях разных исследователей могут иметь различное содержание, что дает нам возможность говорить об личностном характере этих понятий. Как отметил английский ботаник А.Дж. Уилмотт, растения могут характеризоваться различными авторами как «яйцевидные, овальные, глянцевые, щетинистые, реснитчатые...», но эти авторы могут иметь в уме совершенно разные характеристики: ««Ланцетовидный» в понимании Линнея очень сильно отличается от того, как его понимает Линдли... Не найдется и двух моих коллег, которые бы одинаково представляли себе ланцетовидную форму» [Полани М., 2022, с. 337]. Процесс отнесения изучаемого объекта к определенной категории сродни созданию слова в его иносказательном значении, описанному А.А. Потебней. Основоположник Харьковской лингвистической школы пред-

ставил процесс познания как результат сравнения между собой разных предметов: «Новое слово (х), сравниваемое с чем-то уже известным (А) приобретает признак а, взятый от известного А, от других же признаков данного А при создании слова происходит отвлечение, так что данное сравнение в когнитивном плане представляет собой абстракцию» [Моркина Ю.С., 2019, с. 117]. Так и в любом акте классификации обозначение изучаемого объекта определенным термином предполагает приписывание ему какого-то свойства, обнаруженного у него путем соотнесения его с множеством известных объектов, обладающих этим же свойством. При этом происходит абстрагирование от других характеристик данного объекта, рассматриваемых как не столь существенные для его определения. Именно перенос значения с уже известного на познаваемое и приводит к возникновению слова как метафоры. Аналогичным образом использование любого научного термина может рассматриваться в качестве своего рода иносказания, поскольку оно предполагает возможность распространить на исследуемый объект ключевые характеристики уже известных объектов, относящихся к одному классу. Поскольку классификация является базовой процедурой в научном познании, можно утверждать, что лежащий в ее основе механизм переноса значения так или иначе определяет все научное знание, что позволяет сделать вывод о метафорическом характере языка науки.

Заключение

Таким образом, в данном исследовании мною было показано, что глубинная связь искусства и науки, о которой говорил Н.К. Рерих, может быть установлена благодаря осмыслению метафорической природы личностного языка, лежащего в основе как научного познания, так и художественного творчества. И ученые, и художники в своей деятельности пользуются личностным языком, воплощающим их уникальный и неисчерпаемый личностный опыт. Отличительной особенностью личностного языка является метафоричность — способность приносить в общезначимые понятия дополнительные, имплицитные смыслы, приводящие к «сдвигу» исходного значения путем соотнесения его с содержанием прошлого

опыта. Если в художественном творчестве применение метафор представляется чем-то само собой разумеющимся, то в научном исследовании иносказание не столь очевидно, однако оно определяет любой акт употребления термина в отношении изучаемого объекта.

Список литературы

- Горнфельд А.Г.* Троп // *Философия творчества: ежегодник. Вып. 7: Философско-методологический анализ когнитивных оснований творчества* / под ред. Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой. М.: Голос, 2021. С. 392–396.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранова, А.В. Морозовой. М.: ЛКИ, 2008. 256 с.
- Марцинковская Т.Д.* Язык искусства и язык науки: парадоксы сближения // *Психологические исследования*. 2018. Т. 11, № 59. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/287/566> (дата обращения: 13.05.2024). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v11i59.287>
- Моркина Ю.С.* А. Горнфельд «Поэзия» и «Троп» (комментарий к работам, опубликованным в сборнике «Вопросы теории и психологии творчества») // *Философия творчества: ежегодник. Вып. 7: Философско-методологический анализ когнитивных оснований творчества* / под ред. Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой. М.: Голос, 2021. С. 397–403.
- Моркина Ю.С.* Язык и поэтика в трудах А.А. Потебни // *Философия творчества: ежегодник. Вып. 5: Смысловые измерения социокультурных пространств творчества* / под ред. Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой. М.: ИИнтелЛЛ, 2019. С. 102–134.
- Полани М.* Личностное знание: На пути к посткритической философии / пер. с англ. М.Б. Гнедовского и др. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
- Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. Часть 4: Познание и бытие. 12. Познающая жизнь / пер. с англ. С.А. Филипенко // *Философия творчества: ежегодник. Вып. 8: Философско-методологический анализ творческих процессов* / под ред. Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой. М.: Голос, 2022. С. 326–343.
- Рерих Н.К.* Зажигайте сердца! М.: Мол. гвардия, 1990. 190 с.
- Смирнова Н.А.* Образ и смысл: опыт когнитивной лингвистики // *Философия творчества: ежегодник. Вып. 8: Философско-методологический анализ творческих процессов* / под ред.

Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой. М.: Голос, 2022. С. 150–178.

Смирнова Н.М. Смысл и творчество. М.: Канон+, Реабилитация, 2017. 304 с.

Харцеев В.И. Основы поэтики А.А. Потебни // Философия творчества: ежегодник. Вып. 5: Смысловые измерения социокультурных пространств творчества / под ред. Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой. М.: ИИнтелЛ, 2019. С. 219–258.

Kurtz C.F., Snowden D.J. The New Dynamics of Strategy: Sense-Making in Complex and Complicated World // IBM Systems Journal. 2003. Vol. 42, iss. 3. P. 462–483. DOI: <https://doi.org/10.1147/sj.423.0462>

Polanyi M. Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy. London, UK: Routledge, 2005. 493 p.

References

Gornfeld, A. (2021). [Trope]. *Filosofiya tvorчества yezhegodnik. Vyp. 7: Filosofsko-metodologicheskii analiz kognitivnykh osnovaniy tvorchestva, pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy* [N.M. Smirnova, I.A. Beskova (eds.) Philosophy of Creativity: yearbook. Iss. 7: Philosophical and Methodological Analysis of the Cognitive Foundations of Creativity]. Moscow: Golos Publ., pp. 392–396.

Khartsiev, V.I. (2019). [Foundations of A.A. Potebnya's Poetics]. *Filosofiya tvorchestva yezhegodnik. Vyp. 5: Smyslovye izmereniya sotsiokul'turnykh prostranstv tvorchestva, pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy* [N.M. Smirnova, I.A. Beskova (eds.) Philosophy of Creativity: yearbook. Iss. 5: Meaningful Dimensions of Socio-Cultural Spaces of Creativity]. Moscow: IIntelL Publ., pp. 219–258.

Kurtz, C.F. and Snowden, D.J. (2003). The new dynamics of strategy: Sense-making in complex and complicated world. *IBM Systems Journal*. Vol. 42, iss. 3, pp. 462–483. DOI: <https://doi.org/10.1147/sj.423.0462>

Lakoff, G. and Johnson, M. (2008). *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: LKI Publ., 256 p.

Martsinkovskaya, T.D. (2018). [The language of art and the language of science: the paradoxes of convergence]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. Vol. 11, no. 59. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/287/566> (accessed 13.05.2024). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v11i59.287>

Morkina, Yu.S. (2021). [Gornfeld's «Poetry» and «Trope» (papers published in «Questions of theory

and psychology of creativity» Commentary)].

Filosofiya tvorchestva yezhegodnik. Vyp. 7: Filosofsko-metodologicheskii analiz kognitivnykh osnovaniy tvorchestva, pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy [N.M. Smirnova, I.A. Beskova (eds.) Philosophy of Creativity: yearbook. Iss. 7: Philosophical and Methodological Analysis of the Cognitive Foundations of Creativity]. Moscow: Golos Publ., pp. 397–403.

Morkina, Yu.S. (2019). Yazyk i poetika v trudakh A.A. Potebni [Language and poetics according to A.A. Potebnya's theory]. *Filosofiya tvorchestva yezhegodnik. Vyp. 5: Smyslovye izmereniya sotsiokul'turnykh prostranstv tvorchestva, pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy* [N.M. Smirnova, I.A. Beskova (eds.) Philosophy of Creativity: yearbook. Iss. 5: Meaningful Dimensions of Socio-Cultural Spaces of Creativity]. Moscow: IIntelL Publ., pp. 102–134.

Polanyi, M. (1985). *Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoy filosofii* [Personal knowledge. Towards a post-critical philosophy]. Moscow: Progress Publ., 344 p.

Polanyi, M. (2022). [Personal knowledge. Towards a post-critical philosophy. Part 4: Knowing and being. Pt. 12. Knowing life]. *Filosofiya tvorchestva yezhegodnik. Vyp. 8: Filosofsko-metodologicheskii analiz tvorcheskikh protsessov, pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy* [N.M. Smirnova, I.A. Beskova (eds.) Philosophy of Creativity: yearbook. Iss. 8: Philosophical and methodological analysis of creativity processes]. Moscow: Golos Publ., pp. 326–343.

Polanyi, M. (2005). *Personal knowledge. Towards a post-critical philosophy*. London, UK: Routledge Publ., 493 p.

Roerich, N.K. (1990). *Zazhigayte sertsu!* [Light up your hearts!]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 190 p.

Smirnova, N.M. (2022). *Obraz i smysl: opyt kognitivnoy lingvistiki* [Image and meaning: Experience's framework of cognitive linguistics]. *Filosofiya tvorchestva yezhegodnik. Vyp. 8: Filosofsko-metodologicheskii analiz tvorcheskikh protsessov, pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy* [N.M. Smirnova, I.A. Beskova (eds.) Philosophy of Creativity: yearbook. Iss. 8: Philosophical and methodological analysis of creativity processes]. Moscow: Golos Publ., pp. 150–178.

Smirnova, N.M. (2017). *Smysl i tvorchestvo* [Meaning and creativity]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 304 p.

Об авторе

Филипенко Станислава Андреевна
кандидат философских наук,
научный сотрудник

Институт философии РАН,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: Stanafil@mail.ru
ResearcherID: U-8952-2018

About the author

Stanislava A. Filipenok
Candidate of Philosophy, Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya st., Moscow, 109240, Russia;
e-mail: Stanafil@mail.ru
ResearcherID: U-8952-2018